

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТИН: взгляд с Запада

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Angus Roxburgh

The Strongman: Vladimir Putin and the Struggle for Russia

I. B. TAURIS

LONDON · NEW YORK

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Ангус Роксборо

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТИН: взгляд с Запада

Перевод с английского С. Бавина и У. Сапциной

Москва
2012

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 327
ББК 66.4(2Рос), 9(4/7)
Р 59

Фото на обложке: © Antoine Gyori/Corbis/Foto S.A.

Роксборо, А.

Р 59 Железный Путин: взгляд с Запада / Ангус Роксборо; [пер. с англ. С. Бавина и У. Сапциной]. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. — 360 с.

ISBN 978-5-91657-359-6

Это книга о Владимире Путине и о том, куда он ведет Россию. О том, как Путин вышел на политическую арену, и о том, каким он видит мир. О том, кто придумывает его имидж и его политическую программу. О том, почему Путин считает себя настоящим демократом и что он собирается делать дальше. Автор книги Ангус Роксборо — бывший советник Кремля, и в его активе немало откровенных бесед и интервью с политиками и руководителями высшего ранга.

Это рассказ о неизвестной стороне самых громких событий последних лет, от президентских выборов до борьбы с кризисом, от войны в Чечне до переговоров с США о ядерных вооружениях. В ней содержится ответ на многие болезненные вопросы российской политики.

Эта книга для всех, кого волнует судьба России и место нашей страны в мире, для всех, кто хочет проникнуть в загадки российской политики, понять образ мышления и действия Владимира Путина.

УДК 327
ББК 66.4(2Рос), 9(4/7)

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

ISBN 978-5-91657-359-6

© Angus Roxburgh, 2012
© Перевод. Бавин С. П., Сапцина У. В., 2012
© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2012

Оглавление

Введение.....	6
Глава 1. Банкет для секретного агента.....	14
Глава 2. Обольщение Запада.....	39
Глава 3. Битва за экономическую реформу.....	60
Глава 4. Темная сторона.....	72
Глава 5. Новая Европа, старая Европа.....	102
Глава 6. Путин-2.....	127
Глава 7. Всюду враги.....	148
Глава 8. Новая холодная война.....	179
Глава 9. СМИ, ракеты, Медведев.....	206
Глава 10. Сошествие в войну.....	246
Глава 11. Перезапуск отношений с Западом.....	279
Глава 12. Сильный человек и его друзья.....	298
Глава 13. Тандемология.....	323
Заключение.....	344
Примечания.....	349

Введение

Здороваясь с Владимиром Путиным за руку, трудно понять, крепкое или слабое у него рукопожатие. Вас поглощают его глаза. Он наклоняет голову, смотрит на вас исподлобья, фиксируя взгляд на несколько секунд, словно запоминает все подробности или, возможно, сопоставляет ваше лицо с образом, который запомнил ранее... Это накаленный, пронзительный и неприятный взгляд.

Российский национальный лидер не похож ни на одного президента или премьер-министра других стран. В 1999 году, когда бывший разведчик неожиданно оказался выдвинут на высший должностной пост страны, он поначалу был весьма сдержан и неловок. Но он вырос в человека без комплексов — сильную личность и «нарцисса», щеголяющего физической силой на частых фотосессиях. Вначале мы видели всего несколько избранных фотографий: Путин — чемпион по дзюдо, Путин за штурвалом истребителя. Позже, особенно после того, как в 2008 г. пересел из президентского кресла в кресло премьер-министра, он стал приглашать съемочные группы в экспедиции, предназначенные исключительно для формирования его образа кинозвезды. Они показывали, как он ставит спутниковые следящие устройства полярным медведям, тиграм, белухам и снежным барсам. Камеры запечатлели, как он плавает в ледяной сибирской реке, скачет на лошади по горам с обнаженной грудью и в темных очках. Он лично занимался тушением лесных пожаров, гонял на снегоходах,

мотоциклах и болидах «Формулы-1», катался на горных лыжах и нырял с аквалангом, играл в хоккей с шайбой, напевал Blueberry Hill на английском и играл на пианино перед публикой. В августе 2011 года оказавшийся под рукой оператор запечатлел обнаженного по пояс Путина на приеме у врача.

Какой еще мировой лидер ведет себя подобным образом? Демонстрировать политические мускулы — это одно, но никто не сравнится с Путиным в чистом тщеславии.

В разговорах он внимателен, агрессивен и порой вспыльчив, когда затрагиваются особо чувствительные сюжеты. Он чрезвычайно хорошо информирован, но при этом поразительно невежествен в некоторых аспектах западной жизни. Он вежлив, но может быть груб. Как президент, а затем премьер-министр он держит Россию сильной и все более жесткой рукой. В последние годы он неоднократно устраивал публичные выволочки своим министрам, создав атмосферу, в которой большинство его подчиненных опасаются противоречить ему или даже высказывать мнения, которые *могут* противоречить ему. Он создал так называемую вертикаль власти — систему, порождающую страх и подавляющую инициативу.

Россия стала страной, пренебрегающей правами своих граждан: страной, в которой глава Центральной избирательной комиссии говорит, что руководствуется принципом, согласно которому Путин всегда прав, а председатель Государственной думы заявляет, что «парламент — не место для дискуссий». Это страна, в которой важнейшее решение о том, кто станет президентом, фактически принимается втайне двумя личностями без учета мнения населения. Так произошло в сентябре 2011 г., когда протесте Путина и его преемник на посту президента Дмитрий Медведев согласился оставить высший пост после первого срока, позволяя Путину вернуться в президентское кресло в 2012 г. Два человека цинично признали то, о чем народ подозревал, но не мог знать наверняка. Такой план существовал с тех пор, как Путин ушел с поста президента в 2008 г. Пребывание Медведева в Кремле оказалось

всего лишь временным замещением, предназначенным оставить Путина во власти, сколько он пожелает. Неискренняя ссылка на конституционную норму пребывания президента у власти не более двух сроков подряд на самом деле обернулась пренебрежением этой нормой.

Начинал Путин совсем иначе. В 2000 г. многие западные лидеры приветствовали его свежий, новый подход, его стремление к сотрудничеству и поиску консенсуса. Цель этой книги — проследить и объяснить, как все изменилось. Почему Путин становится все более и более авторитарным, какие вызовы он предъявлял Западу и как Запад, в свою очередь, реагировал в ответ; как обе стороны не смогли понять тревог друг друга, что привело к витку взаимного недоверия и утраченным возможностям. На одной стороне — то, что могли видеть американские и западные наблюдатели: силовая политика России, жестокая война в Чечне и убийства журналистов, коррумпированное государство и растущая агрессивность, кульминацией которой стали вторжение в Грузию и «газовые войны» с Украиной. На другой стороне — взгляд из России: доминирующая роль Америки в мире, ее планы противоракетной обороны, вторжение в Ирак, экспансия НАТО, российские жесты доброй воли, оставленные без ответа, сознаваемая угроза распространения революции из Грузии и Украины в Россию. И неспособность предвидения с обеих сторон. Путина — увидеть какую-либо связь между репрессивными мерами у себя дома и враждебной реакцией за границы; Джорджа Уокера Буша — осознать вековой страх России оказаться в изоляции и ее ярость по поводу высокомерных действий американской администрации в области внешней политики.

Во время написания этой книги Путин остается самым популярным российским политиком. Возможно, это результат стабильности и самоуважения, который он восстановил в жизни народа, результат повышения уровня жизни во время его правления, что произошло во многом из-за высоких цен на нефть. Тем не менее ему не удалось добиться многих из поставленных целей. Придя к власти, он обещал покончить с терроризмом, но число нападений

возросло. Коррупция стремительно нарастает и наносит ущерб экономике. Иностраннные инвестиции оказались намного меньшими (в процентном отношении к производительности российской экономики), чем на соперничающих быстрорастущих новых рынках, например Бразилии или Китая. Несмотря на массивный приток энергетических доходов за последнее десятилетие, Россия так и не смогла создать динамичную, современную экономику. В этой книге рассматривается борьба за реформы внутри России и задается вопрос: был ли Дмитрий Медведев в роли президента разочаровавшимся либералом (как это часто казалось) или простым «лакировщиком действительности»?

Политики склонны сильно упрощать сложные темы, тем более если это соответствует их интересам. Особенно ярко это проявилось в ходе дискуссии последних лет об одной из самых запутанных международных политических проблем — праве малых наций на самоопределение. Косово, Чечня, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье... Галлоны чернил и вагоны пустой болтовни были потрачены на объяснения, обычно с категорической уверенностью, того, что независимость одной маленькой нации является или не является прецедентом для остальных. Обычно большая Родина-мать настаивает, что все другие случаи уникальны (Россия по отношению к Чечне, Грузия по отношению к Южной Осетии и Абхазии), в то время как малые нации требуют к себе такого же отношения, как к тем, кто ограничивает их свободу. Для России это вопрос исключительной важности. Это многонациональное государство, не сравнимое с другими, в котором сосуществуют десятки наций — одни с большей, другие с меньшей степенью автономности, и Кремль испытывает патологический страх перед распадом страны в случае, если какая-либо из этих наций создаст прецедент обретения независимости. Тема остается острой на протяжении последнего десятилетия — начиная с войны в Чечне и серии террористических актов в России до короткой войны между Россией и Грузией в 2008 г. Обычно в подобных конфликтах не бывает «правых», и было бы впрошением утверждать иное. равно

как было бы упрощением заявлять, что решение Запада о признании Косово и решение НАТО о будущем членстве в своих рядах Грузии и Украины не оказывает влияния на отношения России с ее ближайшими соседями. Восприятие (истинное или ложное) намерений другой стороны зачастую играет бóльшую (и обычно более пагубную) роль, чем реальная действительность.

Это моя третья книга о России, и я хорошо сознаю самонадеянность любого иностранца, который заявляет, что понял эту загадочную страну. Российский ученый и политик Сергей Караганов писал о «чувстве возмущения и отторжения, которое возникает у нас, русских, когда мы читаем неприятные заметки о нашей стране, написанные иностранцами». В современной российской политике много неприятного, и она заслуживает того, чтобы о ней писали. Иногда Россия — свой самый худший враг, она видит извне недобрые намерения, которых не существует, и опасается распространения демократии, вместо того чтобы приветствовать ее. Но Запад тоже совершает ошибку, будучи не в состоянии понять процессы, происходящие здесь, опасаясь ее, вместо того чтобы относиться к России с уважением, достойным страны, которая стремится стать частью мира.

Эта книга возникла частично из моей работы главным консультантом четырехсерийного телефильма BBC под названием «Putin, Russia & the West», созданного компанией Brook Lapping production. Для этих серий мы записали сотни часов интервью на высшем уровне не только в России, но и в США, Британии, Франции, Германии, Украине и Грузии. Эти оригинальные интервью лежат в основе моего повествования и проливают новый свет на многие события, о которых пойдет речь.

Я также описал, особенно в девятой главе этой книги, мой личный опыт трехлетней работы в качестве советника пресс-секретаря Путина Дмитрия Пескова. В 2006 г., когда Кремль решил приобрести базирующееся в Нью-Йорке PR-агентство Ketchum и его брюссельского партнера GPlus, в моей журналистской карьере произошел неожиданный поворот. Ни в Ketchum, ни в GPlus не

было сотрудников, хорошо осведомленных о России. Внезапно им такие понадобились, и мне была предложена работа. После восьми лет освещения деятельности Европейского союза идея вновь погрузиться в российские проблемы мне показалась заманчивой. Большая часть моей карьеры так или иначе связана с этой страной: я изучал и преподавал русский язык, работал в Москве переводчиком и в структуре BBC Monitoring Service, был московским корреспондентом Sunday Times, а позже — BBC.

И был один пикантный момент в моей биографии, который делал это предложение еще более соблазнительным. В 1989 г., когда Путин еще работал разведчиком в Дрездене, его руководство депортировало меня из Москвы в отместку за то, что Маргарет Тэтчер выслала из Лондона советских шпионов. Я был тогда корреспондентом Sunday Times и оказался в числе трех журналистов и восьми дипломатов, которые были выставлены из страны в результате последнего большого шпионского скандала периода холодной войны. «Как интересно, — подумал я, — вернуться в Москву в качестве советника Путина!» Я принял предложение и стал кремлевским консультантом по СМИ. Я жил в Брюсселе, но регулярно навещался в Москву. Я входил в число команды из 20–30 человек, работавших по всему миру, но был единственным консультантом, работавшим на полную ставку. Я хорошо узнал Пескова и его команду, и несмотря на то, что был иностранцем, оказался максимально приближенным к коридорам власти. Мои личные наблюдения легли в основу того, что я рассказываю о периоде 2006–2009 гг.

Нашей главной задачей как советников Кремля в области СМИ было убедить их стать более открытыми для прессы — на вполне очевидном основании, что чем больше вы говорите, тем вероятнее будут услышаны ваши мнения. Российская политическая элита проявила удивительное сопротивление этой идее и оставалась на своей позиции долгое время уже после того, как я оставил мир PR и вернулся к журналистике. Это я выяснил, работая над телесериалом BBC. Высокопоставленных российских политиков оказалось чрезвычайно трудно уговаривать дать интервью. Некоторые

ключевые фигуры наотрез отказывались. Другие соглашались, но только после нескольких месяцев преодоления препятствий, чинимых их подчиненными, которые, похоже, не желали или боялись даже просто передать нашу просьбу. Пресс-секретарь президента Медведева Наталья Тимакова категорически отказалась даже поговорить с нами. Любопытно, но в последние годы коммунистического режима, когда я работал над сериалом BBC «The Second Russian Revolution», было проще получить доступ к кремлевской верхушке, чем сейчас. Наша задача еще больше усложнилась в год, предшествующий президентским выборам 2012 г. Вся администрация находилась в подвешенном состоянии, поскольку и Путин, и Дмитрий Медведев отказывались объявить, кто из них пойдет на выборы. Внезапно выяснялось, что интервью, которые нам были обещаны, отменялись. Стало ясно, что осторожные политики и функционеры просто не осмеливаются поднять голову в такой неустойчивый период времени.

Тем не менее нам удалось проинтервьюировать более сотни человек (под запись или без оной) для нашего сериала и этой книги. В их числе — главы правительств, министры иностранных дел и старшие консультанты из восьми стран. В России нам дали интервью Людмила Алексеева, Анатолий Антонов, Станислав Белковский, Владимир Чижов, Борис Чочиев, Аркадий Дворкович, Виктор Геращенко. Герман Греф, Алексей Громов, Сергей Гуриев, Андрей Илларионов, Игорь Иванов, Сергей Иванов, Федор Лукьянов, Михаил Маргелов, Сергей Марков, Владимир Милов, Олег Митволь, Дмитрий Муратов, Глеб Павловский, Дмитрий Песков, Сергей Приходько, Евгений Примаков, Дмитрий Rogozin, Сергей Рябков, Владимир Рыжков, Виктор Шендерович, Дмитрий Тренин, Юрий Ушаков, Александр Волошин и Игорь Юргенс.

В США нашими собеседниками были Мэтью Бриза, Билл Бернс, Николас Бернс, Эрик Элдман, Дэниэл Фата, Дэниэл Фрайд, Филип Гордон, Роуз Гетемеллер, Томас Грэм, Стивен Хэдли, подполковник Роберт Хэмилтон, Джон Хербст, Фиона Хилл, генерал Джеймс Лжонс, Дэвид Крамер, Майкл Макфол, генерал Трей Оберинг.

Стивен Пайфер, Колин Пауэлл, Кондолиза Райс, Стивен Сестанович, Дин Вилкенинг и Дэймон Уилсон.

В Грузии с нами беседовали Ираклий Алазания, Давид Бакрадзе, Гига Бокерия, Нино Бурджанадзе, Владимир Чачибая, Рафаэль Глюкман, Наталья Кинчела, Эрози Кизмаришвили, Даниэль Кунин, Бату Кутелия, Александр Ломая, Вано Мерабишвили, Михаил Саакашвили, Эка Ткелашвили, Григол Васадзе, Темур Якобашвили и Эка Згуладзе.

В Великобритании мы беседовали с Тони Блэром, Джоном Брауном, Ником Батлером, Джонатаном Коэном, Майклом Дэвенпортом, Матрой Фримэн, Дэвидом Милибэндом, Крэгом Олифантом, Джонатаном Пауэллом, Джорджем Робертсоном и Александром Темерко.

На Украине нам дали интервью Леонид Кучма, Григорий Немиря, Олег Рыбачук и Виктор Ющенко, в Польше — Александр Квасьневский и Радослав Сикорский.

В Германии мы интервьюировали Рольфа Никела, Александра Рара, Герхарда Шредера и Франка-Вальтера Штайнмайера, во Франции нашими источниками были Жан-Давид Левит и Морис Гурдо-Монтень.

Хочу выразить благодарность серийному продюсеру Brook Lapping Норме Перси и исполнительному продюсеру Брайану Лаппингу за предоставление мне возможности поработать в этом долгом, но благодатном проекте. Моя благодарность режиссерам Ванде Косья и Дэвиду Алтеру за то, что прочитали некоторые главы, и ассистенту продюсера Тиму Стирзакеру за его неутомимые исследования и организационную помощь. Кроме того, я искренне признателен режиссеру сериала Полу Митчеллу и продюсеру с московской стороны Маше Слоним за поток советов и озарений. Нейл Бакли и Фиона Хилл любезно прочитали рукопись полностью или частично, сделали множество разумных замечаний, за которые я очень благодарен. И наконец, сердечная благодарность моему агенту Биллу Гамильтону и моему блестящему редактору из I.V.Taurus Джоанне Голффри.

Глава 1

Банкет для секретного агента

Новое тысячелетие

Эпоха Путина началась в полдень последнего дня XX века. Мир оказался застигнутым врасплох, когда на экранах телевизоров появился Борис Ельцин и с одышкой объявил о своей отставке. Голосом, прерывающимся от эмоций, он попросил россиян простить его за ошибки, неудачи, и сказал, что страна должна войти в новое тысячелетие «с новыми политиками, новыми лицами, новыми — умными, сильными, энергичными людьми».

Свое обращение утром Ельцин записал в Кремле. Первыми, кто узнал об этом, помимо его дочери Татьяны и ближайших советников, были телевизионщики, которые загружали текст в теле-суфлер. Закончив запись, Ельцин отвернулся, вытер набежавшие слезы, затем открыл бутылку шампанского, разлил его по бокалам членов съёмочной группы и нескольких присутствовавших работников президентской администрации, чокнулся со всеми и одним махом опустошил свой бокал. А Владимир Путин, назначенный преемник Ельцина, за перегородкой уже готовился записывать свое новогоднее обращение к народу.

Оно должно было выйти в эфир перед полуночью. Но прежде нужно было выполнить ряд формальностей. В два часа дня Путин

вручили «ядерный чемоданчик». Затем он провел пятиминутное совещание со своим кабинетом, за которым последовало более продолжительное заседание Совета безопасности. В шесть часов Путин подписал свой первый президентский указ, гарантирующий Борису Ельцину и членам его семьи защиту от судебного преследования. Потом состоялись встречи один на один с ключевыми министрами. И наконец, отменив запланированную поездку в Санкт-Петербург, новоявленный российский лидер выехал из Кремля в президентском кортеже и направился в аэропорт Внуково. На эту ночь у Путина были особые планы.

Миллиарды людей на планете с весельем и фейерверками встречали наступление нового тысячелетия. А временно исполняющий обязанности президента Российской Федерации на борту военного вертолета направлялся в мятежную Чеченскую Республику. Однако неблагоприятные метеоусловия вынудили экипаж вернуться на базу в соседнем Дагестане. Такого Путина предстояло узнать миру — крутого парня, человека действия, одержимого борьбой с террористами и сепаратистами, решительно намеревавшегося восстановить величие страны, которая при Ельцине выглядела неуправляемой и больной.

Пока вертолет Путина боролся с непогодой в небе Чечни, российское телевидение выпустило в эфир его заранее записанное обращение к народу, краткое и деловитое. В нем было сказано, что вакуума власти в стране не будет, отдавалась и дань уважения предшественнику. Обращение содержало только одно политическое обещание, которое в ретроспекции выглядит весьма примечательным. Путин сказал: «Свобода слова, свобода совести, свобода средств массовой информации, права собственности — эти основополагающие элементы цивилизованного общества будут надежно защищены государством».

Права и свободы, высоко оцененные им, были уничтожены в коммунистическом Советском Союзе и восстановлены при Ельцине. Но уже через несколько лет сам Путин начнет подвергаться обвинениям в попрании этих самых прав, в создании

посткоммунистической авторитарной модели нового типа, в подавлении свободы прессы и преследовании магнатов бизнеса — а на самом деле любого, кто осмелится бросить ему вызов.

Почему это произошло? Ключ, или по крайней мере один из ключей к пониманию эволюции Путина, — в понимании той России, которую он унаследовал от Ельцина, России не только слабой в экономическом и военном отношениях, но и зависимой от Запада.

Ельцин и Клинтон

В качестве президента США Билл Клинтон совершил свой последний визит в Россию в июне 2000 г., через два месяца после инаугурации Путина. С Борисом Ельциным Клинтон встречался около двадцати раз, у них установились близкие, дружеские отношения, которые назвали «шоу Билла и Бориса». Президент США пару раз встречался и с Путиным, но, как и большинство западных лидеров, мало что о нем знал, кроме того, что тот — бывший сотрудник КГБ и владеет дзюдо. Но и этого было достаточно, чтобы вызывать настороженность. Президент США встретил в лице Путина упрямого переговорщика, который к тому же считал Клинтона, дослуживавшего последние месяцы в своем кабинете, «хромой уткой».

Будучи на добрых пятнадцать сантиметров ниже импозантного американского визави, Путин компенсировал недостатки телосложения, как и любой дзюдоист, энергичностью и мастерством. Он упорно противостоял планам американцев отменить (или хотя бы изменить) Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) 1972 г., что позволило бы Соединенным Штатам развернуть программу противоракетной обороны «Звездные войны», предложенную в свое время Рональдом Рейганом. Действовавший договор по ПРО запрещал России и США расширять национальные противоракетные системы, и для Путина это было ключевым моментом в политике ядерного сдерживания. Считалось, что если одной стороне будет позволено создавать системы, способные уничтожить баллистические ракеты дальнего действия

другой стороны, хрупкое равновесие сил нарушится, и тот, кто обладает противоракетным щитом, может испытать искушение первым нанести удар.

Путин отвергал и критику Клинтона по поводу новой жесткой кампании, которую он проводил в Чечне, и репрессивных действий против НТВ — на тот момент ведущей российской независимой телекомпании. Он выражал глубокое возмущение по поводу бомбардировок Сербии авиацией НАТО в 1999 г. — события, которое будет определять мышление Путина в международной политике в последующее десятилетие.

Кампания против Сербии, нацеленная на то, чтобы положить конец этническим чисткам президента Милошевича в Косово, стала поворотным моментом в отношениях России с Западом. На всем протяжении югославских войн 1990-х гг. Москва поддерживала Милошевича, отчасти из-за традиционной близости русских и сербов — славянских народов, исповедующих православное христианство. «Братские узы» между русскими и сербами, возможно, и преувеличены, но Кремль, безусловно, нашел параллели между попытками Милошевича подавить «терроризм» и сепаратизм в Косово и борьбой Ельцина с аналогичными проблемами в Чечне. Так же как Ельцин заклеил чеченских повстанцев «бандитами», Милошевич (а в какой-то момент и правительство США) называл освободительную армию Косово не иначе как террористической группировкой. Развернув свою кровавую войну в Чечне, результатом которой стали десятки тысяч убитых и массовый исход беженцев, Россия совершенно естественно поддерживала Милошевича в его усилиях сохранить целостность того, что оставалось от бывшей союзной Югославии.

Просьбы Ельцина не нападать на Сербию не были приняты Западом во внимание, и у Москвы появилось ощущение, что, несмотря на дружелюбное «шоу Билла и Бориса» и разговоры о радушном принятии посткоммунистической России в сообщество цивилизованных стран, ее голос при решении международных споров не принимается во внимание. Накануне начала бомбардировок

Белграда Ельцин во время телефонных переговоров с Клинтоном неоднократно в ярости бросал трубку¹.

23 марта 1999 г. российский премьер-министр Евгений Примаков вылетел в Вашингтон, где у него были запланированы переговоры с президентом Клинтоном, вице-президентом Альбертом Гором и руководством Международного валютного фонда. Перед Примаковым стояла задача договориться о многомиллиардных кредитах, которые должны были помочь стабилизировать российскую экономику, не оправившуюся после финансового кризиса августа 1998 г. По словам помощника Примакова, Евгения Косачева, во время дозаправки самолета в ирландском аэропорту Шэннон премьер-министр позвонил Гору и спросил: «Вы собираетесь бомбить Югославию?» Тот ответил: «Ничего не могу сказать. Решение пока не принято»².

Правительственный самолет поднялся в воздух и взял курс через Атлантику. В заднем салоне магнаты российского бизнеса и официальные лица общались, отдыхали. Прошло четыре или пять часов, как вдруг раздался звонок, и по потрескивающей, зашифрованной линии связи Гор сообщил Примакову, что НАТО приступает к нанесению воздушных ударов. Примаков немедленно перезвонил Ельцину, выяснил у пилота, хватит ли топлива, чтобы вернуться в Шэннон. После чего вышел в салон и сообщил бизнесменам, что визит отменяется: в данный момент вести бизнес с американцами неуместно.

Реакция была красноречивой. Магнаты, позволив патриотизму взять верх над деловой хваткой, разразились аплодисментами. «Это было очень эмоционально», — говорит Косачев. Решив развернуть самолет на полпути, Москва давала понять, что она крайне недовольна. В последующие дни эти чувства выплеснулись на улицы. Тысячи россиян приняли участие в митингах протеста у американского посольства в Москве.

Год спустя Клинтон во время своего последнего визита в российскую столицу понял, что нанесенная тогда рана еще болит. Путин дал понять, что больше не потерпит, чтобы Россию игнорировали или отталкивали в сторону. В течение двух дней он

доводил до сведения американцев свое критическое отношение к их планам в одностороннем порядке приступить к созданию противоракетного щита. В последнее утро в ходе прощальной встречи в Кремле Путин высказал смутную угрозу: если Америка не отступит от своих планов, ответ России будет «соответствующим» и, «возможно, совершенно неожиданным, даже асимметричным». Иными словами, русские не будут равняться на изощренную и дорогостоящую американскую систему ПРО, но предпримут меры, которые позволят превзойти ее. Это могло означать что угодно — от создания огромного количества ядерных ракет, которые просто «прошибут» предполагаемый щит, до уничтожения американских установок еще в процессе их создания.

Клинтон выслушал нотацию Путина, после чего обернулся к своему помощнику Стробу Тэлботу и пробормотал: «Похоже, этот парень думает, что до меня не доходит с первого раза. Либо он туп, либо держит за такого меня. Ладно, давай заканчивать это дело; надо успеть повидаться с другом Борисом»³.

Американцы с облегчением покинули Кремль и отправились с прощальным визитом к экс-президенту Ельцину, который после отставки жил на загородной даче. Но там Клинтона ждал сюрприз: Путин уже позвонил Ельцину и попросил того пожестче вдолбить в голову «другу Биллу» ту же идею. «Россия, — сказал Ельцин, — не потерпит никаких политических шагов Америки, которые могут угрожать ее безопасности». Когда тирада закончилась, Клинтон перевел разговор на тему его личной обеспокоенности будущим России. Прощальные слова, в передаче его советника Строба Тэлбота, крайне примечательны — они приоткрывают американский взгляд на посткоммунистическую Россию.

— Борис, — сказал Клинтон, — ты принимаешь демократию близко к сердцу, в твоей натуре заложено доверие к людям. У тебя внутри огонь настоящего демократа и настоящего реформатора. Я не уверен, что все это есть у Путина. Тебе нужно за ним присматривать, использовать свое влияние, чтобы он не сбился с пути. Ты нужен Путину. Борис. Ты нужен России <...> Ты изменил свою

страну, ей повезло, что у нее был ты. Миру повезло, что ты занимал свой пост. *Мне* повезло, что был ты. Мы вдвоем сделали очень много хорошего <...> Все это останется. Это потребовало от тебя силы воли, многое далось тебе труднее, чем мне. Я это знаю».

Уезжая с ельцинской дачи, Клинтон сказал Тэлботу: «Возможно, мы виделись с другом Борисом в последний раз. Думаю, нам его будет не хватать».

Сентиментальная фраза Клинтона предполагает, что, по его мнению, при Ельцине в России дела шли хорошо, страна была такой, какой хотела ее видеть Америка. На самом же деле все обстояло не так, и Россия совсем не желала идти туда, куда хотелось Америке. Фактически, чего, по мнению Клинтона, будет не хватать Америке, — так это российского лидера, уступчивого до покорности. Путин будет совсем другим.

Россия Ельцина

Обращение Запада с постсоветской Россией было настолько бесчувственным, насколько это можно себе представить. Пока западные корпорации пускали слюни по поводу перспектив нового гигантского рынка, гарвардские экономисты, нанятые российским правительством, настаивали на введении с головокружительной скоростью «капитализма без границ», нисколько не учитывая возможной реакции народа и последствия этих действий. Их идеи были охотно подхвачены ельцинскими реформаторами во главе с Егором Гайдаром, вдохновленными «шоковой терапией», которая за несколько лет до этого преобразила некоторые восточноевропейские страны, в том числе и соседнюю Польшу. Ельцин поручил команде Гайдара «дать народу экономическую свободу и снять все барьеры, ограничивающие свободную инициативу и предпринимательство». В итоге через несколько лет миллионы россиян оказались в крайней бедности, а горстка предприимчивых дельцов и бывших коммунистических функционеров превратилась в миллиардеров-олигархов, расхватавших за копейки бывшие государственные ресурсы.

Несомненно, при Ельцине россияне обрели Свободу — с большой сияющей неоновой буквы «С», какой не знали за всю тысячелетнюю историю своей страны. Девяностые годы XX века были лихим временем. Они явили миру выплеск энергии, сдерживавшейся на протяжении семидесяти лет коммунистического режима. Любой россиянин с небольшой суммой денег и предпринимательской жилкой мог открыть свой мелкий бизнес, пусть даже небольшой ларек, и торговать батончиками «Сникерс» и водкой. Россияне получили возможность свободно ездить за границу, читать то, что пожелают, говорить то, что им вздумается, и устраивать демонстрации против своих лидеров. Возникли различные политические партии, в стране проводились конкурентные выборы. На государственных телеканалах транслировали острую сатиру на кремлевских политиков. Новые частные банки спонсировали балеты и концерты. Полки магазинов быстро наполнились потребительскими товарами, которые в прежние советские времена можно было лишь мельком видеть в иностранных фильмах. После мрачных десятилетий тоталитарного режима народ перестал испытывать страх. Появились оптимизм и надежда. Безусловно, именно такой Россия виделась большинству западных наблюдателей. В том числе, очевидно, и Биллу Клинтону.

Впрочем, когда я просматриваю свои блокноты того периода, мне вспоминается, что большинство россиян имели на этот счет совсем иное мнение. Мои репортажи для ВВС запечатлели десятилетие позора и унижения, пережитого жителями некогда могучего государства.

Россия Ельцина превратилась в страну, которой, похоже, правили бандиты. Они носились по дорогам в автомобилях с затемненными стеклами, заказывали бутылки вина стоимостью в тысячи долларов в лучших ресторанах, занимались шопингом в супердорогих бутиках и время от времени стреляли друг в друга среди бела дня. Заказные убийства стали обычным явлением; российские мафиозные банды занимались дележом территорий и бизнеса.

Офисы ВВС располагались в Москве в отеле и бизнес-центре «Рэдиссон Славянская» возле Киевского вокзала, который частично

принадлежал американцу Полу Тэйтуму. После спора со своим чеченским деловым партнером Тэйтум был изрешечен очередью из автомата Калашникова — в пять часов вечера, когда шел по подземному переходу к станции метро возле отеля. Убийцу так и не нашли. В другой раз я оказался в дорожной пробке. Медленно продвигаясь вперед, я обратил внимание, что на противоположной стороне улицы происходит небольшой захват — опять среди бела дня. Несколько человек держали под дулами пистолетов какого-то бедолагу, который лежал на земле. В другой совершенно обычный день произошел захват в московском ресторане. Мы все, находившиеся там, бросились на пол и лежали, пока проходило задержание. Чтобы попасть в мой местный супермаркет, мне приходилось проходить мимо охранников в камуфляже и с АК-47 наперевес. Начальный период «нового капитализма» сопровождался массовым насилием и угрозами. И владелец пятизвездочного отеля, и торговец сувенирами с раскладного столика на Арбате должны были платить «за крышу» мафиозным бандам.

На окраинах крупных городов, особенно в Москве, так называемые новые русские возводили особняки с плавательными бассейнами, винными погребами и башенками. Все это было скрыто от постороннего взгляда за четырехметровыми заборами. Но они представляли мизерную часть населения. Миллионы жителей России вследствие экономических реформ, начатых в 1992 г., фактически обнищали. Резкая либерализация цен привела к стремительному росту инфляции. Рядовые граждане выстраивались вдоль тротуаров и продавали свои пожитки. Центр Москвы превратился в гигантскую барахолку. Особенно мне запомнился один человек среднего возраста, как потом выяснилось, с ученой степенью, продававший старые ржавые висячие замки и прочую ерунду.

Другие ученые в поисках работы эмигрировали из страны туда, где им могли предложить достойную зарплату. Россия лишалась лучших умов именно тогда, когда они ей больше всего требовались.

Железнодорожные вокзалы заполнили попрошайки и бомжи. Курский, главный московский вокзал южного направления.

превратился в диккенсовскую ночлежку, набитую карманниками и больными. Калеки пробирались по вагонам метро, прося подаяние.

Так называемый частный бизнес распространился повсюду, нагляднее всего в виде мелких киосков, торговавших подозрительно вида алкоголем и продуктами питания. Мясо, малопригодное для человеческого употребления, продавалось на рынках, которые спонтанно возникали на всех свободных участках земли, становясь рассадниками крыс и инфекций.

Отчаявшиеся люди вкладывали сбережения в финансовые «пирамиды», которые неизбежно разваливались, оставляя их без копейки. В 1992 г. правительство выпустило приватизационные чеки. Идея заключалась в том, что чеки можно будет обменять на доли в приватизируемых предприятиях. На практике же миллионы человек попросту продавали их за бесценок. В итоге ваучеры оказались в руках горстки ловких предпринимателей или руководителей тех же госпредприятий, которые и стали новыми русскими собственниками-капиталистами.

Промышленность рухнула. Рабочие не получали зарплату или получали с многомесячным опозданием, причем чаще товарами — полотенцами, мылом, нежели деньгами. Сами предприятия рассчитывались между собой по бартеру. В некогда гордую страну направлялись корабли и эшелоны с гуманитарной помощью — сахаром и маргарином из избыточных запасов Европейского союза и американскими армейскими пайками. Сверхдержава протягивала миску для подаяния.

В апреле 1993 г. Ельцин прилетел в Ванкувер. Обратившись к президенту Клинтону за помощью, он подчеркнул: «Вспомни, Восточной Германии понадобилось 100 млрд долларов, чтобы избавиться от коммунистического монстра». Вернулся он с обещанием выделить России 1,6 млрд долларов, большая часть из которых предоставлялась в виде кредитов и гуманитарной помощи. Можно заподозрить Запад в недостатке воображения. Разве Россия не нуждалась в своем «плане Маршалла» для перестройки дряхлой

постсоветской инфраструктуры, которая была в ненамного лучшем состоянии, чем Германия после Второй мировой войны?

Вероятно, больше выгоды от западных программ помощи, чем россияне, получили западные консалтинговые компании. Помню, я брал интервью у владелицы небольшой московской пекарни, которая отучилась на месячных курсах менеджмента, оплаченных западными правительствами, с небольшой стажировкой в Англии. «Все, что мне на самом деле нужно, — говорила она мне, — это деньги для закупки оборудования. Я и без этих курсов знаю, как управлять своей компанией!»

Российское общество оказалось поистине раздавлено резким отходом от коммунизма. Люди потеряли свою страну. Советский Союз, государство с населением в 250 миллионов человек, живших в пятнадцати республиках, раскололся. 25 миллионов русских застряли в ближнем зарубежье, внезапно оказавшись резидентами иностранного государства. Сибиряки больше не могли ездить в отпуск в Крым (он отошел к независимой Украине). Не могли они поехать и в Москву, поскольку цены на авиабилеты были недоступны. В поездке по Сибири я был изумлен, услышав, что местные жители называют европейскую Россию «материком», словно находятся на далеком острове посреди океана.

Было немного признаков того, что западные советники Кремля понимали, как управлять этим разорванным обществом. Западные правительства, похоже, не замечали хаоса и запустения, царящих на одной восьмой части суши. А может, их это и не интересовало, поскольку все они были одержимы идеей строительства в России капитализма «любой ценой». Западные корпорации видели в ней только огромный новый рынок для своих товаров. Странная для русского уха фраза «Продукт компании “Проктер энд Гэмбл”» звучала в конце каждого второго рекламного ролика на ТВ как новый политический лозунг. Думаю, эти слова приводили русских в бешенство. Казалось, что они пришли на смену прежнему лозунгу «Да здравствует КПСС!», только вместо светлого будущего теперь обещали прокладки, шампунь Head & Shoulders и памперсы.

которые, к слову, многие тогда просто не могли себе позволить из-за их дороговизны.

Американские консультанты в строгих костюмах кишели повсюду, суюкая над приватизационными проектами и их авторами, «молодыми реформаторами». Нижний Новгород, город на Волге, ранее известный как Горький, стал первым, где начали продавать крупные куски государственного имущества простым гражданам. Во многих смыслах это вызывало оптимизм. Помню, я наблюдал предприимчивых русских, жаждавших начать свой бизнес, которые осматривали 195 принадлежавших государству грузовиков и фургонов (многие из них были просто в ужасном состоянии), а затем торговались за них на аукционе. Мне (подозреваю, что и многим россиянам) было тяжело видеть огромное количество иностранцев, контролировавших этот процесс. Со стороны это выглядело так, словно Америка взялась за распродажу России.

Для тех, кто использовал представившуюся возможность, например для коллективов, выкупивших свои магазины, это действительно сработало. Как собственники, остро желавшие привлечь покупателей, они трансформировали свой бизнес с усердием, которое вскоре свело на нет серую атмосферу советской торговли. Но для тех, кто был «по другую сторону прилавка», чьи сбережения и пенсии съедала гиперинфляция, это была совсем иная история. Средняя продолжительность жизни в стране падала, возрастал алкоголизм, на авансцену выступили врачи-шарлатаны, психотерапевты-самоучки, «белые колдуны», стремившиеся извлечь выгоду из атмосферы всеобщего безысходного отчаяния.

А еще была чеченская война. В свое время Ельцин сам призвал российские регионы «брать суверенитета столько, сколько смогут проглотить». Но Чечня, маленькая мусульманская республика на Северном Кавказе, зашла настолько далеко, что была готова заявить о своей независимости. Согласиться с этим означало создать прецедент, который грозил распадом Российской Федерации. Поэтому в декабре 1994 г. Ельцин отдал приказ о вторжении в республику. Это стало всеобщей катастрофой. Тысячи плохо обученных

российских солдат погибли, сотни тысяч чеченцев были либо убиты, либо вынуждены бежать в соседние республики. Их столица Грозный была превращена в руины. Чеченцы радикализировались, проснулся мусульманский фанатизм, дремавший в советский период. Тысячи мужчин влились в вооруженные отряды сепаратистов и постепенно выдавили российскую армию со своей территории. Это было унижительное поражение. В конце 1996 г. Чечня «де факто» обрела независимость. Мятежники совершили ряд хорошо подготовленных террористических актов на территории самой России. Летом 1995 г. они захватили более тысячи заложников в больнице южного городка Буденновск. Власти пытались штурмовать здание (что привело к гибели как минимум 130 человек), но затем позволили захватчикам уйти обратно в Чечню.

К началу 1996 г., года очередных президентских выборов, популярность Бориса Ельцина упала практически до нуля. И дело было не только в непопулярности его реформ и в чеченской войне, которая обернулась катастрофой. Президент вызывал у жителей страны неловкость своими частыми публичными появлениями в нетрезвом виде. Мало кто сомневался, что летом на выборах президентом станет лидер коммунистов Геннадий Зюганов, если выборы пройдут честно. Однако новоявленные олигархи — бизнесмены-миллиардеры, которые опасались потерять свои обретенные состояния в случае возвращения коммунистов, сплотились для осуществления «ельцинского чуда». В ходе так называемых залоговых аукционов, придуманных в 1995 г., эти люди приобрели за мизерную стоимость крупнейшие государственные ресурсы России, включая большинство нефтяных и газовых активов в обмен на помощь безденежному правительству. Теперь именно они финансировали ельцинскую президентскую кампанию, используя для этого принадлежащие им национальные телевизионные каналы, которые освещали предвыборную ситуацию исключительно в его пользу. Ельцин вернулся к власти — и Запад вздохнул с облегчением. Для Клинтона и других лидеров в России были спасены «демократия» и «свободный рынок». Все остальное для них значения не имело.

Но западные лидеры были не в состоянии оценить психологическую травму, которая была нанесена россиянам как нации. Владимир Путин же видел это прекрасно.

Как писал американский политолог Стивен Коэн, в США существовала общепринятая точка зрения, согласно которой «после развала Советского Союза в 1991 г. Россия стала страной, желающей и способной превратиться в некую копию Америки»⁴. Даже не буду говорить об огромных культурных и исторических различиях, которые, скорее всего, никогда не позволили бы России стать «второй Америкой». Факт заключался в том, что россияне попали в чрезвычайно сложную ситуацию, не имея времени даже на то, чтобы приспособиться к свалившейся на них свободе. Знаменитый советский поэт и певец Владимир Высоцкий прозорливо предвидел это еще в 1965 г., когда он мог только воображать, каково будет оказаться избавленным от коммунистической смирительной рубашки:

Мне вчера дали свободу —
Что я с ней делать буду?

Запад полагал, что россияне априори знают, как воспользоваться свободой, словно это нечто совершенно естественное, как будто русские — это те же американцы, которым, правда, пришлось несколько лет помучиться с коммунизмом. Нужно только снять ограничения, ввести свободный рынок, и все остальное сложится само собой. Тоби Гэтти, советник Клинтона по вопросам России, готовивший первый «пакет» помощи для нее, признает: «Возможно, у нас в США был слишком узкий взгляд на советское общество. Мы переоценили желание русских жить по нашим правилам. Мы отталкивались от предположения, что трансформация пройдет быстро, а хаос, который, кстати сказать, рассматривался нами не как хаос, а как переходный период, вскоре сменится нормальной жизнью»⁵.

Но в 1990-е годы россияне чувствовали, что волна капитализма не несет их вперед, а захлестывает с головой. Более того, возникло глубокое возмущение, что какие-то «посторонние люди» берутся их учить «цивилизованным» манерам поведения. Большинство

россиян с легкостью отказались от коммунистической идеологии. Но они не избавились от образа мышления, сформированного еще в докоммунистический период и лежащего глубоко в душе русского человека. Среди россиян было распространено (и продолжает существовать) сожаление об утрате «чувства единства». «Коллективизм» — не советское изобретение, эта идея уходит корнями в российскую историю, и она противоречит духу западного индивидуализма, который им начали насаждать.

Картина, которую я несколькими мазками попытался нарисовать выше, оставляет безрадостное впечатление. Может, даже более безрадостное, чем ситуация в целом. При Ельцине, несомненно, были и радости, и достижения. Но именно самая мрачная сторона жизни 1990-х гг., которую Запад попросту просмотрел, и подготовила плодородную почву, в которую Путин начнет сажать свои идеи.

Из коммуналки в Кремль

Эта книга — о Путине во власти, а не его биография. Но взгляд на его ранние годы объясняет многое. Его происхождение, путь в высшие кабинеты власти дают ключ к пониманию противоречивого поведения, которое Путин будет демонстрировать как президент: демократ, не доверяющий демократии, западник, чье понимание Запада ошибочное и достаточно ограниченное, человек, верящий в свободный рынок, но мировоззрение которого было сформировано коммунистическим прошлым, яростный защитник Российского государства с ледяным, безжалостным отношением бывшего сотрудника КГБ к его «врагам».

Владимир Владимирович Путин родился в 1952 г. в Ленинграде. В то время город, переживший во Вторую мировую войну немецкие артобстрелы и 900-дневную блокаду, еще восстанавливался из руин. Его детство прошло в коммунальной квартире. Семья занимала одну комнату, а кухню и туалет приходилось делить с соседями. Эта «радость» хорошо памятна многим россиянам. С одной стороны, условия были ужасными — не было ванной, горячей воды, по

лестницам бегали крысы. А с другой, коммунальное жилье и совместный труд по послевоенному восстановлению оказали существенное влияние на укрепление коммунистической идеологии того времени. Мышление юного Путина формировалось под воздействием советской пропаганды. В его семье не было ни диссидентов, ни интеллектуалов, которые слушали передачи западных радиостанций, в ней не вели подстрекательских разговоров. В школе его учили, что Запад — враждебный мир, где капиталисты эксплуатируют рабочих и готовятся к войне против СССР; ему говорили, что жизнь в его собственной стране несоизмеримо лучше — благодаря мудрому руководству Коммунистической партии. Краткая «оттепель» времен Никиты Хрущева закончилась, когда Путину было двенадцать лет. Старшие классы школы уже пришлось на период правления Леонида Брежнева, отмеченный нарастающим милитаризмом, конфронтацией с Западом, политическими репрессиями и идеологической жесткостью. Именно в эти годы молодой Путин проявил интерес к вступлению в силовой аппарат партии — КГБ, но это стремление он смог реализовать только после окончания юридического факультета Ленинградского университета.

Путин говорит, что даже не задумывался о массовом терроре, который был организован при Сталине предшественником КГБ — НКВД. Скорее всего, он действительно почти ничего об этом не знал. «Мои представления о КГБ возникли на основе романтических рассказов о работе разведчиков, — говорит он. — Меня, без всякого преувеличения, можно было считать успешным продуктом патриотического воспитания советского человека»⁶.

Но Путин должен был узнать, чем занимается КГБ, за первые десять лет, которые прослужил в Ленинграде в конце 1970 — начале 1980-х гг. Это был период, когда органы сажали диссидентов в лагеря и психушки, конфисковывали иностранную литературу, глушили зарубежные радиостанции, запрещали советским гражданам выезжать за границу и всеми возможными способами помогали коммунистической партии осуществлять тотальный контроль над обществом. За рубежом задачами КГБ были подрыв западных

демократий, похищение военных и промышленных секретов, помощь секретным службам «братских социалистических стран» Восточной Европы в подавлении диссидентства. Доподлинно неизвестно, чем занимался Путин в эти годы, но можно предположить по его работе в контрразведке и в слежке за иностранцами в Ленинграде, что он был абсолютно предан «советскому делу». Путин и поныне неколебим в своем презрении к «предателям Родины» и (как мы увидели в 2010 г., когда он тепло приветствовал десять российских шпионов, высланных из США) полон восхищения теми, кто следует его собственной карьере секретного агента.

Сергей Ролдугин, друг семьи Владимира Путина, вспоминает, что когда он в свое время спросил, чем тот конкретно занимался в ленинградском КГБ, Путин загадочно ответил: «Я специалист по общению с людьми».

В 1985 г. в звании майора Путин был направлен в ГДР. Местом его дислокации стал Дрезден. Он говорит, что его задачей была «политическая разведка» — вербовка информантов и сбор сведений о политических фигурах и планах «противника номер один» — НАТО. На этом этапе он должен был оставаться идеологически стойким, но у него по-прежнему не было непосредственного опыта общения с Западом. Путин был вдали от удивительного пробуждения Советского Союза, от объявленных Михаилом Горбачевым «перестройки» и «гласности». Когда московские газеты и театры рвали на части фальсифицированные образы советского прошлого и ломали клише о враждебности Запада, Путин находился в одной из наиболее репрессивных стран коммунистического блока. Лидер ГДР Эрих Хонеккер до последнего сопротивлялся ветру перемен, дувшему из Москвы. Путин оказался свидетелем нарастающих волнений в Восточной Германии, кульминацией которых стало падение Берлинской стены в конце 1989 г. Фактически в течение тех недель, которые предшествовали коллапсу коммунистического режима, именно в Дрездене стало отчетливо видно, что в стране началась мирная революция: протестующие люди заполнили влиши — прямо под носом у Путина.

Будущий российский лидер оказался в необычайно выгодном положении: он мог воочию наблюдать крушение коммунизма в Восточной Европе. Пропустив горбачевскую революцию на родине, он своими глазами видел, как жители ГДР обретают собственное достоинство и вырываются из советской сферы влияния. По долгу службы он должен был тщательно изучать реакцию НАТО и, конечно, не мог не знать об устном обещании, которое, как говорят, дал Горбачеву государственный секретарь США Джеймс Бейкер: альянс не станет использовать ситуацию с крушением коммунизма для экспансии в страны бывшего советского блока.

Когда для восточногерманских коммунистов и, соответственно, советской гегемонии игра в этой стране была сделана, Путин спешно сжигал секретные документы в своем дрезденском офисе. Ему даже пришлось взяться за пистолет, чтобы осадить бунтовавшую толпу, которая было вознамерилась обыскать помещение. Немцы уже штурмовали офисы Министерства государственной безопасности ГДР. Позже Путин заявлял, что понимал этих людей. «Они устали от контроля со стороны МГБ, тем более что этот контроль носил тотальный характер. В МГБ люди видели монстра» (нет никаких свидетельств, что он признает аналогичное отношение россиян к КГБ).

Самым досадным во всей этой ситуации для Путина было то, что когда разгневанная толпа грозила проникнуть в здание и он по телефону обратился к командованию советской воинской части, расквартированной в Дрездене, за помощью, ему ответили, что ничего не могут сделать без распоряжения из Москвы. «Но Москва молчала. У меня тогда возникло ощущение, что страны больше нет. Стало ясно, что Союз болен. И это смертельная, неизлечимая болезнь под названием паралич. Паралич власти».

Путин понимал, что советский контроль над половиной Европы не может длиться вечно. Но при этом признает, что происходившее он расценивал как национальное унижение: «Мы просто бросили все и ушли».

Именно в это время Путин совершил резкий поворот в жизни, впервые познакомивший его со взглядами и людьми, которые

опровергали все, во что он верил школьником, студентом и сотрудником КГБ. В январе 1990 г. он вернулся из Германии в родной город, который вскоре был переименован в Санкт-Петербург. Оставаясь на службе в органах, он стал помощником ректора ЛГУ по международным связям, а затем и помощником председателя Ленсовета профессора Анатолия Собчака, с которым был знаком еще во время своей учебы на юрфаке. Один из ведущих вольнодумцев периода перестройки, Собчак вскоре был избран мэром Санкт-Петербурга и в июне 1991 г. назначил Путина руководителем комитета по внешним связям. В это время город претендовал на роль крупного российского финансового и инвестиционного центра. Спустя некоторое время Собчак сделал Путина своим первым заместителем.

Бывший идеальный «продукт советского воспитания» не только оказался под влиянием демократа Собчака, но и был вынужден окунуться в западный мир торговли и финансов. Когда в августе 1991 г. твердолобые коммунисты (включая шефа Путина, руководителя КГБ генерала Крючкова) устроили путч против Горбачева, Путин, по его словам, был на стороне Собчака и организовывал сопротивление в поддержку демократии. Тогда же он написал рапорт об увольнении из КГБ.

Позже он говорил, что верил в «благородство» гэкачепистов — удержать Советский Союз от развала, но фактически они добились противоположного. К концу года КПСС была отстранена от власти. Советский Союз распался. Это был переломный момент для Путина: «Все идеалы, цели, которые были у меня, когда я шел работать в КГБ, рухнули».

Пребывание Путина в должности помощника мэра не было бесконфликтным. Из-за скандала, связанного с импортом продовольствия, депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга пытались снять его, обвинив в коррупции. Он устоял, но когда Собчак по итогам выборов 1996 г. был вынужден покинуть свой пост, Путин тоже остался без работы.

Вскоре Путин благодаря сочетанию удачи и знакомств оказался в Москве и начал быстро подниматься по ступеням кремлевской

бюрократической лестницы⁷. В марте 1997 г. он был назначен заместителем управляющего делами президента Ельцина, в июле 1998-го — директором ФСБ, а в марте 1998 г., сохранив предыдущий пост, стал секретарем Совета безопасности.

Покровителями Путина была так называемая «семья» — ближайший круг советников президента Ельцина: его дочь Татьяна, бывший руководитель его администрации (позднее ставший мужем Татьяны) Валентин Юмашев, действующий глава администрации Александр Волошин и бизнесмен Борис Березовский, который владел 49% акций главного российского телеканала ОРТ и фактически контролировал его.

Организовав перевыборы Ельцина в 1996 г., «семья» вскоре обеспечила назначение Путина премьер-министром с намерением выдвинуть его в качестве преемника Ельцина. На них большое впечатление произвела лояльность Путина. Будучи главой ФСБ, он фактически блокировал расследование фактов крупномасштабной коррупции и отмывания денег, которые вменялись в вину членам семьи Ельцина и высшим кремлевским чиновникам. (Один из них, Павел Бородин, по «делу Mabetex» обвинялся в присвоении фантастических сумм в процессе ремонта кремлевских зданий. В свое время именно Бородин принял Путина на должность заместителя управделами президента). Путин лично помог своему бывшему наставнику А. Собчаку избежать преследования по обвинению в коррупции. Лояльность позже станет определяющей чертой путинской природы. Семья Ельцина не была разочарована: первым шагом Путина в должности исполняющего обязанности президента в 2000 г. стало подписание указа о гарантии судебной неприкосновенности Ельцина и его семьи.

Летом 1999 г. «семья» направила Березовского поговорить с Путиным, который с семьей отдыхал на французском курорте Биарриц, и предложить ему должность премьер-министра. Путин, не уверенный в своих способностях, колебался, но президент Ельцин и слышать не хотел об отрицательном ответе.

Этот головокружительный год в карьере Путина ознаменовался событиями, которые произвели на него очень глубокое впечатление.

В марте 1999 г. три бывших члена советского блока — Венгрия, Польша и Чешская Республика — вступили в НАТО. Какая бы доля правды ни была в гарантиях, данных в свое время Горбачеву о не расширении НАТО на Восток (американские официальные лица вообще отрицали сам факт подобного обещания), Россия усмотрела в этом угрожающее приближение западного военного альянса к своим границам. Эта тема будет преследовать Путина на протяжении всего последующего десятилетия.

Буквально через 11 дней после решения НАТО о своем расширении самолеты стран-членов блока нанесли удары по Сербии, что повлекло за собой последствия, о которых говорилось ранее. А в августе кризис в Чечне, слабо тлевший на протяжении последних двух с половиной лет, внезапно полыхнул пожаром, который вызвал у Путина внутреннюю ярость, определившую его действия на многие годы. Борьба с терроризмом стала для него навязчивой идеей.

После вывода российских войск из Чечни в конце 1996 г. республика стала практически неуправляемой. Избранное относительно умеренное правительство расшатывалось полевыми командирами, такими как Салман Радуев и Шамиль Басаев, человек, в свое время организовавший захват заложников в Буденновске. Похищения людей стали в Чечне повседневным явлением. После убийства шестерых работников Красного Креста и похищения четверых журналистов иностранцы боялись сунуть нос в эту республику. В Чечне восторжествовал исламский фундаментализм, некоторые из лидеров боевиков установили связи с ближневосточными экстремистскими группами, в первую очередь с «Аль-Каидой».

7 августа 1999 г. Басаев и уроженец Саудовской Аравии исламист Ибн Аль-Хаттаб предприняли хорошо спланированное вторжение 1 500 боевиков в соседний Дагестан. Их целью было установление на территории Дагестана исламского режима, первый шаг к созданию исламского сверхгосударства на Северном Кавказе. Это нападение вынесло Путина на политический олимп. Уже на следующий день президент Ельцин назначил своего секретаря

Совбеза исполняющим обязанности премьер-министра и поручил ему разрешить возникшую дагестанскую проблему.

Внезапное появление из ниоткуда Путина в качестве будущего лидера страны было ошеломляющим. Он по-прежнему оставался неизвестен ни стране в целом, ни большинству правящей элиты. Но в течение нескольких последующих месяцев он стал новым лицом России — жестким, энергичным, безжалостно реагирующим на все более дерзкие нападения чеченских террористов.

В сентябре в течение двух недель четыре взрыва разрушили жилые дома в Буйнакске, Москве (дважды) и Волгодонске. Погибли почти 300 человек. Ответственность за взрывы возложили на чеченцев, что, с учетом вторжения в Дагестан, дало Путину повод при необходимости начать вторую чеченскую войну. На встрече с Биллом Клинтоном 12 сентября возбужденный Путин показал ему карту Чечни и рассказал о своем плане уничтожения сепаратистов. «Они — не люди, — резко заявил он позднее представителям прессы. — Их даже нельзя назвать животными, или если это животные — то животные бешеные».

Взрывы жилых домов явились для Путина удобным поводом для начала войны и так повысили его рейтинг, что некоторые в России даже предположили, что эти взрывы были организованы ФСБ. «Теории заговора» в России настолько распространены и настолько нелепы, что если в них поверить, то придется заново переписать практически всю ее историю. Но серьезные подозрения вызвал пятый инцидент, в Рязани, где милиция, действовавшая по наводке, предотвратила очевидный теракт. В подвале жилого дома были обнаружены три мешка с белым порошком и детонаторами. Пока мешки извлекали и перемещали в безопасное место, пришлось эвакуировать несколько сот местных жителей. Путин лично поблагодарил бдительных граждан, которые обратили внимание на то, как в подвал заносили подозрительные мешки. Однако когда людей, подозреваемых в подготовке взрыва, задержали, они оказались сотрудниками ФСБ. Председатель ФСБ позже заявил, что это были «вчения» для проверки бдительности после предыдущих

взрывов и что в мешках находился сахар. Но рязанское отделение ФСБ ничего об этих учениях не знало и выразило удивление в связи с подобным заявлением.

Со взрывами домов связано еще несколько загадочных обстоятельств. Например, спикер Государственной думы заявил парламенту, что получил сообщение о взрыве в Волгодонске 13 сентября — в день одного из *московских* взрывов, но на три дня *раньше* волгодонского. Мог ли тот, кто заранее знал о всех планируемых актах, перепутать даты? Но все попытки независимого расследования этих инцидентов были тщетными, Кремль яростно реагировал на все вопросы по этому поводу. Более того, двое членов независимой комиссии, которая пыталась установить факты, были убиты, третий погиб в автокатастрофе, а адвокат комиссии по расследованию арестован за якобы незаконное владение оружием и посажен в тюрьму. Журналистка Анна Политковская и бывший сотрудник КГБ Александр Литвиненко, которые также участвовали в расследовании, были убиты в 2006 г.

Целью второй чеченской войны была и расплата за унижение, которое испытала Россия в результате предыдущей войны, и ликвидация, как считал Путин, исламской угрозы для всей страны. Один из его ближайших советников говорил мне (на условиях анонимности): Путин опасался, что, подобно своим предшественникам, продержится на посту премьер-министра лишь несколько месяцев, и хотел воспользоваться этим временем для предотвращения распада России. «Вторжением в Дагестан бандиты дали сигнал, что способны пойти дальше, вверх по Волге, в мусульманские республики — Башкортостан и Татарстан».

Я никогда не слышал ни от Путина, ни от других российских лидеров слов о реальных страданиях чеченского народа — о массовой депортации из родных мест в Среднюю Азию при Сталине, о том, как растворялись их язык и культура в русском окружении в советский период. Не было и глубокого осознания того, что российское вторжение в 1994 г. в значительной степени послужило радикализации чеченских бойцов и стало причиной подъема

исламского фундаментализма, о котором не было и духу, когда я посещал эту республику перед первой войной. Именно первая чеченская война превратила обычных сепаратистов в идеологически мотивированных террористов.

Путин вскоре показал, что обладает острым языком и временами не чурается грубости. Это стало его своеобразной визитной карточкой. 24 сентября, когда Путина спросили о жестокости действий русских, он ответил: «Мы будем преследовать террористов везде, в аэропорту — в аэропорту. Вы уж меня извините, в туалете поймаем — мы и в сортире их замочим, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно».

Военная кампания быстро вывела Путина из безвестности. Но он еще не стал самым популярным лидером страны. Летом 1999 г. один из его предшественников на посту премьер-министра, Евгений Примаков, публично заявил о коррупции в окружении Ельцина и объявил о своем намерении баллотироваться в президенты. Совместно с мэром Москвы Юрием Лужковым они создали политический блок «Отечество — Вся Россия», у которого были неплохие перспективы на парламентских выборах в декабре, а это обеспечивало Примакову хорошую стартовую площадку для президентских выборов, назначенных на июнь будущего года.

В дело обеспечения победы кандидата «семьи» — Путина включился Борис Березовский, который использовал всю мощь стоящего за ним телеканала ОРТ и развернул мощную кампанию по дискредитации Примакова и Лужкова. Наняв известного телекомментатора Сергея Доренко, специализировавшегося на скандалах и сенсациях, Березовский напустил его на Примакова, который, еще будучи премьер-министром, угрожал посадить бизнесменов, подобных Березовскому, за экономические преступления. Каждый вечер главный российский телеканал твердил одно и то же: о преклонном возрасте Примакова, его проблемах со здоровьем, о коррупционности Лужкова и прославлял героические действия Путина в Чечне.

Тем временем «узкий круг» — Березовский, Юмашев и Татьяна Дьяченко — устроил тайную встречу на даче в руководителя

администрации Ельцина Александра Волошина, чтобы сформировать политическую силу в поддержку Путина. В сентябре, за три месяца до парламентских выборов, на свет появилась новая партия — «Единство». У нее не было ни корней, ни философии, ни программы. Но она была за Путина и имела мощную поддержку в лице ОРТ и некоторых ведущих газет, подконтрольных Березовскому. На выборах 19 декабря «Единство» почти с двукратным перевесом победило «Отечество — Вся Россия». Сцена была готова для того, чтобы в канун Нового года Ельцин мог безбоязненно уйти в отставку и передать власть премьер-министру, избранному им своим преемником.

На следующий день после выборов был День работника органов безопасности Российской Федерации, в простонародье День чекиста. Продолжая советскую традицию, Россия сохранила множество профессиональных праздников. Этот день отмечается в честь действующих и бывших сотрудников органов государственной безопасности. Утром Путин восстановил на стене здания на Лубянке памятную доску в честь Юрия Андропова, бывшего председателем КГБ во время поступления Путина в эту организацию. Мемориальная доска висела здесь и раньше, но была снята в ельцинские годы правления. Вечером на банкете премьер-министр выступил с речью перед своими бывшими коллегами и пошутил: «Я хочу доложить, что группа сотрудников ФСБ, направленная в командировку под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется».

Пришло время второго этапа. Через десять дней Ельцин подал в отставку и высшая власть в России перешла к Путину.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

